

о «местных школах» стало общепризнанным и в истории древнерусской литературы, и в истории древнерусского искусства.

Одним из первых блестящих опытов вскрытия не только внешних, но и внутренних особенностей областных художественных типов было сделанное И. Э. Грабарем противопоставление новгородской и суздальской архитектуры и живописи.³⁴ Все же, когда говорится о местных школах древнерусской живописи, их различия усматриваются главным образом в стилистических особенностях, в предпочтительной склонности к определенным сюжетам, к изображению определенных героев, культ которых был там или здесь особенно распространен. Меньше внимания уделяется анализу особенностей художественных образов, хотя казалось бы бесспорным, что наряду с особенностями тематики и стиля можно ожидать и искать местных особенностей и в этой существеннейшей стороне искусства.

Сделать такую попытку естественнее на образах святых, почитание которых было повсеместным и изображения которых всюду были одинаково широко распространены. К таким святым относятся, например, Борис и Глеб.

В отличие от Николы Борис и Глеб — свои, русские святые, готовых изображений которых не было получено извне и на сложении образов которых какие-либо влияния могли отразиться разве лишь косвенно. Иконы Бориса и Глеба появились вскоре же после их канонизации, вероятно одновременно с построением первых посвященных им храмов. Воздвигнув в честь братьев храм в Вышгороде (1026 г.), «христолюбивый» Ярослав «повеле же и на иконе святою написати, да входяще вернии людии в церковь ти видяще ею образ написан и аки самую зряще».³⁵ Есть все основания думать, что изначальная иконография отразила реальные портретные черты обоих братьев. Эти основания нам представляются не в портретности как обязательном свойстве иконных изображений и не в буквальном понимании относимых к ним выражений литературных памятников: «аки живи», «аки самую зряще». То стандартные литературные формулы. По «портретному сходству» изображенных на иконах лиц, оказывается, узнавали не только люди, видевшие их при жизни, знавшие их и общавшиеся с ними, но и видевшие их в «сонных видениях». Так, по рассказу Киево-Печерского патерика, прибывшие в Киев цареградцы «узнали» на иконах Антония и Феодосия печерских тех старцев, которые рядились с ними во сне. По рассказу Волоколамского патерика, пришедший в Киев Батый «узнал» на иконе даже архангела Михаила, как того воина, который преградил ему путь на Новгород. В данном же случае просто трудно представить, чтобы среди современников, отделенных от времени жизни Бориса и Глеба двумя-тремя десятилетиями и сохранявших еще живые представления о них, могли получить распространение изображения совершенно условные, далекие от подлинного облика молодых князей. Но какие они могли быть по внутреннему образу?

Култ Бориса и Глеба на Руси с самого начала получил определенную окраску. Жертвы династической борьбы, сыновья великого киевского князя, убитые одним из своих братьев, они были затем другим братом, при поддержке церковной власти, объявлены святыми в целях укрепления авторитета русской державы и церкви. Их почитание со всеми его внешними выражениями — храмозданием, украшением гробниц и т. п. — старательно

³⁴ И. Грабарь, Андрей Рублев. — В кн.: Вопросы реставрации. Сборник Центральных Гос. Реставрационных мастерских, т. I, М., 1926, стр. 46 и сл., главным образом стр. 57.

³⁵ Памятники древнерусской литературы, в. 2. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и службы им, стр. 18.